ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБѢДЫ.

(Изъ моего литературнаго архива).

Въ 1874 г. покойный нынѣ В. А. Полетика, горный инженеръ по профессіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ обладавшій призваніемъ и талантомъ публициста, пріобрѣлъ за баснословно дорогую цѣну «Биржевыя Вѣдомости» у знаменитаго Трубникова — знаменитаго умѣньемъ создавать и выгодно продавать газеты. Редакцію этихъ новыхъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» скоро составилъ постоянный литературный кружокъ, въ которомъ главнымъ помощникомъ Полетики по общему редактированію явился Э. К. Ватсонъ, а ближайшими сотрудниками—Скабичевскій, Станюковичъ, В. Михневичъ, Воропоновъ, Плещеевъ, Василевскій, Градовскій, Минаевъ и пишущій эти строки. Время отъ времени къ нимъ примыкали и другіе писатели, изъ которыхъ назову Л. А. Полонскаго, Гайдебурова, Н. Курочкина, В. Корша, кн. А. И. Урусова, Карновича, Пальма, П. О. Морозова.

Въ концѣ 1878 г. у нѣсколькихъ сотрудниковъ возникла мысль собираться ежемѣсячно въ какомъ-нибудь ресторанѣ для редакціонныхъ дружескихъ обѣдовъ. Избранъ былъ для этой цѣли «Медвѣдь», въ ту пору содержимый знаменитымъ въ своемъ родѣ Эрнестомъ. Съ удовольствіемъ принявъ предложеніе «газетчиковъ», которое представилось тароватому и любившему все дѣлать en grand бельгійцу выгодною рекламою для его «заведенія», онъ спеціально для нашихъ собраній приспособилъ и отдѣлалъ подвальный этажъ въ своемъ ресторанѣ (не знаю, существуетъ ли это помѣщеніе и теперь),—и въ этомъ изящномъ и просторномъ подземельѣ состоялся 1 октября 1878 г. первый редакціонный обѣдъ.

По моему предложенію было постановлено, чтобы всѣ приглашенія, такъ сказать, повѣстки на обѣдъ, писались стихами и чтобы приглашаемые, въ свою очередь, отвѣчали не иначе, какъ въ стихотворной формѣ. Это постановленіе встрѣтило нѣкоторый протестъ со стороны нѣсколькихъ серьезныхъ «прозаиковъ», не свѣдущихъ въ языкѣ боговъ и не желавшихъ принять на себя трудную обузу бесѣды на этомъ языкѣ, но имъ пришлось подчиниться общему рѣшенію, и нѣкоторые изъ нихъ, къ нашему удивленію и удовольствію, оказались весьма изрядными стихотворцами. Писать приглашенія (ежемѣсячно) было поручено Минаеву и мнѣ.

Съ 1 января 1879 г. «Биржевыя Вѣдомости» переименовались въ «Молву». Составъ сотрудниковъ и участниковъ обѣдовъ остался тотъ же, и собранія наши продолжались регулярно до начала 1880 г. По крайней мѣрѣ сохранившіеся у меня автографы приглашеній и отвѣтовъ оканчиваются 10 января 1880 г. Точно также уцѣлѣли и автографы, относящіеся къ первому обѣду. Интересная коллекція начинается съ 1 ноября 1878 г. На приглашеніе (утерянное) отозвались Гайдебуровъ, В. Ф. Коршъ, Н. Курочкинъ и не знаю еще кто, такъ какъ и ихъ отвѣты утеряны. Николай Курочкинъ писалъ:

Хотя я нездоровъ, вѣрнѣе—еле живъ,
Но, приглашеніе такое получивъ,
Какимъ отъ Музы я любимца удостоенъ,
Я вижу, что отказъ мой былъ бы непристоенъ;
А посему: почту себѣ за честь
Быть въ середу въ «Медвѣдѣ»,
Участвовать въ обѣдѣ
И сумму нужную туда съ собой принесть.

Иногда баловавшійся стихами Гайдебуровъ прислалъ на этотъ разъ такой отвѣтъ:

Въ срокъ установленный спѣшу вамъ дать отвѣтъ,
Что завтра въ пять часовъ прибуду на обѣдъ.
Но если что-нибудь
Меня заставитъ васъ надуть,
И вы воздвигнете противъ меня гоненье,—
Пожалуйста, возьмите старшиной
Полетику. Онъ, сжалясь надо мной,
Навѣрно изречетъ: достоинъ снисхожденья.

У В. Ф. Корша, для котораго сложить два-три стиха было, какъ онъ говорилъ, величайшей мукой, вышло однако стихотворное изліяніе:

«Къ «Медвѣдю», въ середу, къ обѣду
Я съ удовольствіемъ пріѣду,
И чтобъ обѣдъ нашъ былъ честнѣй, (?)
Чтобъ не пенялъ на насъ лакей,
Охотно нѣсколько грошей
Прибавлю къ суммѣ трехъ рублей.»

На приглашеніе къ третьему обѣду отозвались, между прочими участниками, Н. Курочкинъ, Минаевъ, Скабичевскій, Ватсонъ, Коршъ.

Минаевъ блеснулъ четверостишіемъ въ своемъ «минаевскомъ» родѣ:

Явлюсь, какъ всѣ, часамъ къ пяти,
Хотя бъ ждала трагедія.
Въ хорошемъ обществѣ итти
Готовъ и на «Медвѣдя» я.

Скабичевскій, за которымъ никто изъ насъ не признавалъ стихотворнаго таланта, удивилъ въ этомъ отношеніи всѣхъ слѣдующимъ заправскимъ продуктомъ поэтическаго искусства:

Пусть вьюга злится вкругъ меня,
Мою лачужку заметая,
И пусть собьюсь съ дороги я,
Въ сугробахъ снѣжныхъ утопая;
Но иль пѣшкомъ, иль на конѣ,
Иль въ таратайкѣ на чухнѣ,
Я ровно въ пять часовъ къ обѣду
Пріѣду.

Пусть снимутъ всѣ мосты съ рѣки,
Повсюду строятъ баррикады,
Сквозь смертоносные штыки,
Огонь и грохотъ канонады,
Сквозь адъ кромѣшный напроломъ
Прорвуся я богатыремъ
И ровно въ пять часовъ къ обѣду
Пріѣду.

Станюковичъ тоже изъ области прозы перешелъ въ стихотворство, но по своему обыкновенію не могъ удержаться отъ сообщенія своему отвѣту «злободневнаго» характера. За нѣсколько дней до этого обѣда Маковъ, только что получившій постъ министра внутреннихъ дѣлъ, приглашалъ къ себѣ всѣхъ представителей русской прессы и держалъ къ нимъ рѣчь въ либеральномъ духѣ. Станюковичъ писалъ:

Я очень радъ—скажу по чести—
Въ «Медвѣдѣ» пообѣдать вмѣстѣ
Съ кружкомъ веселыхъ и живыхъ
Сотрудниковъ изъ «Биржевыхъ».

Не будетъ сумрачнаго лика
На сей трапезѣ... Полетика,
Надѣюсь я, не загруститъ,
Припомнивъ къ Макову визитъ.

Какое дивное явленье!—
Министръ сказалъ: «Свое правленье
Я не желаю начинать,
Карая русскую печать.

«А было все уже готово
Для кары «Биржевыхъ» суровой
За «Буквы» ([1]) ѣдкій фельетонъ,
Зане попа касался онъ.

Но я простилъ...» И Маковъ даже,
Какъ проходимецъ «въ авантажѣ».
Рѣчь очень длинную сказалъ
И прессѣ «милость» обѣщалъ.

Но въ рѣчи Макова прекрасной
Звучало, къ сожалѣнью, ясно:
«Посмѣйте факты обобщать—
Въ бараній рогъ согну печать!»

Четвертый, пятый и шестой обѣды совпали съ распространившимися тревожными извѣстіями о появившейся на югѣ Россіи (въ селѣ Ветлянкѣ) чумѣ—извѣстіями, получившими авторитетность, благодаря подтвержденію ихъ знаменитымъ врачомъ Боткинымъ, который лично ѣздилъ въ Ветлянку и обрѣлъ тамъ нѣкоего, по его засвидѣтельствованію, зачумленнаго, Наума Прокофьева, съ «тремя рубцами» на нѣкоей скрытой части тѣла. Этотъ эпизодъ нашелъ себѣ отраженіе и въ стихотворной работѣ нашихъ обѣдовъ. Такъ, одно изъ приглашеній (написанное мною) гласило:

«Молвы» родившейся сыны
Въ день третій февраля, въ субботу,
Оставя всякую заботу,
Въ «Медвѣдь» сойдутся на блины,
Безъ повышенія цѣны
И—въ довершеніе приманки—
Съ икрою прямо изъ Ветлянки...»

А въ другомъ приглашеніи (тоже моего авторства) говорилось:

«Седьмого марта, т. е. въ среду,
Въ «Медвѣдь» опять прійдутъ къ обѣду
Распространители «Молвы»,
Отвѣтьте—будете ль и вы?
Вотъ изъ «устава» извлеченье:
А) Будь приглашаемый поэтъ,
Или прозаикъ—онъ отвѣтъ
Даетъ въ стихахъ на приглашенье.
Б) Не допускаются въ обѣдъ:
Суровый взоръ, унынье, дума
Тяжелая; а изъ бесѣдъ—
Бесѣда о рубцахъ Наума.

И т. д.

Въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ авторы коснулись «злободневной» темы. Такъ, Скабическій писалъ:

---

[1]) Извѣстный псевдонимъ И. Ф. Василевскаго.

Въ годину тревожную, нынѣ
Не смѣшно ль толковать о полтинѣ? [1]).
Тѣмъ больше, что сходимся мы
На взаимной пріязнью согрѣтый
И давно ужъ поэтомъ воспѣтый
Пиръ во время чумы.

Онъ же въ другомъ отвѣтѣ сказалъ:

«Блинамъ съ икрою изъ Ветлянки
Я съ наслажденьемъ дань воздамъ:
Авось тогда мои останки
Полезны будутъ хоть червямъ.»

Коснулся этого и А. Н. Плещеевъ въ слѣдующемъ миломъ отвѣтѣ:

«Да, я съ Суворинымъ [2]) согласенъ:
«Вопросы внутренніе—вздоръ».
Да и притомъ о нихъ опасенъ
Подчасъ бываетъ разговоръ.
Сердцамъ россійскихъ патріотовъ
Всего милѣе быть должны
Не конституція, не льготы,
А кулебяки и блины.
И потому, предавъ забвенью
Налоги, земство и чуму,
Въ «Медвѣдь» на ваше приглашенье
Я поспѣшаю. Но къ чему
Вы помянули про Ветлянку—
Сей жгучій внутренній вопросъ?—
Иль просто риѳмы на «приманку»
У васъ въ то время не нашлось?
Ужъ лучше бъ взяли вы «селянку»,
Чтò для отечества сыновъ
Мила не менѣе блиновъ...»

Чисто минаевскими риѳмами наполненъ его, тоже «злободневный», отвѣтъ:

Пусть намъ кричатъ враги «Молвы»
Съ такимъ упрекомъ: «Нѣтъ, молъ, вы
Напрасно знаетесь съ «Медвѣдемъ»,
Куда мы съ вами не поѣдемъ,
Предупрежденные самой
Всеавгустѣйшею чумой...»
Пусть иноземцы—край за краемъ —
Чумы со страхомъ ждутъ нѣмымъ.
И астраханская икра имъ
Страшна, какъ смерти синонимъ,—
Но здѣсь не Вѣна, не Карлсруэ,
Здѣсь Петербургъ, а не Берлинъ.
И за ветлянскую икру я

---

[1]) Предлагалось участвующимъ увеличить обѣденную плату на полтину.
[2]) Въ одной изъ своихъ статей въ «Новомъ Времени».

Отдамъ всѣ икры балеринъ,
Пріѣхавъ ѣсть въ кружкѣ знакомомъ
Блины, забывши страхъ и сплинъ...
Авось у насъ не станетъ комомъ
Ни первый, ни послѣдній блинъ!..

Н. Курочкинъ писалъ:

Встрѣчать канунъ весны въ «Медвѣдѣ»
Я радъ и въ прозѣ, и въ стихахъ,
Не заикаясь на обѣдѣ
О трехъ Прокофьева рубцахъ.
Но обяжите жъ и Эрнеста,
Чтобъ онъ не вздумалъ дать рубцовъ
Намъ въ мартовскомъ обѣдѣ... вмѣсто
Циплятъ и свѣжихъ огурцовъ.

Онъ же упомянулъ мимоходомъ о знаменитой чумѣ въ слѣдующемъ стихотвореніи, адресованномъ на мое имя:

На дворѣ трещатъ морозы,
На душѣ царитъ зима;
Въ новостяхъ газетной прозы
Слово грозное: чума.
Ни слѣда «подъема духа»,
Мракъ повсюду гонитъ свѣтъ,
«Всюду пусто, всюду глухо»,
Какъ давно сказалъ поэтъ.
Какъ же мнѣ въ такое время
(Хоть въ карманѣ только мѣдь)
Не развѣять скуки бремя,
Не отправиться въ «Медвѣдь»?
И не такъ ужъ я палъ, тиной
Жизни спутанъ, о, поэтъ!
Чтобъ предъ лишнею полтиной
Колебаться: быть иль нѣтъ?
Значитъ, я и въ эту среду
Иль пріѣду, иль прійду
Ровно въ пять часовъ къ обѣду
Въ вашу дружную среду.

Присылались въ отвѣтъ на приглашенія къ этимъ тремъ «пирамъ во время чумы» и такія произведенія, которыя не имѣли ничего общаго съ этою «злобою дня». Вотъ, напримѣръ, весьма интересное, такъ сказать, автобіографическое стихотвореніе А. Н. Плещеева (23 декабря 1878 г.).

Муза меня посѣщать перестала;
Пѣсенъ въ душѣ моей мало;
Нѣтъ ужъ въ ней прежняго жара.
Но я подъ старость доволенъ и тѣмъ,
Что мой желудокъ не знаетъ катара,
Что и рокфоръ и невшàтель я ѣмъ,
Не ощущая прискорбныхъ послѣдствій;

Что мнѣ не чужды сотэ и рагу,
Что и бутылочку выпить могу
Я въ часъ застольныхъ привѣтствій.
Вотъ почему и въ «Медвѣдь», господа,
Съ вами поѣхать не прочь я всегда.

Появились въ это время среди обѣдающихъ В. П. Гаевскій и князь А. И. Урусовъ.

Первый въ своихъ отвѣтахъ ограничивался большею частью четверостишіемъ, въ родѣ:

Седьмого марта, на бѣду,
Я приглашенъ уже къ обѣду
И, къ сожалѣнью, въ эту среду
Въ среду друзей не попаду.

Или:

Пятаго въ среду
Слѣдуетъ ѣхать къ обѣду:
Льется тамъ рѣчь откровенно,
Кормятъ (иной разъ) отмѣнно,
И потому непремѣнно
Пріѣду.

Кн. Урусовъ давалъ болѣе простора своему, теперь обнаружившемуся стихотворному дарованію. Вотъ образцы:

«Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Изъ нѣдръ блестящаго Парижа,
Въ суровый Питеръ, въ снѣгъ и грязь,—
Друзья «Молвы», я снова васъ увижу!
На пиръ осьмого октября
Прійду я съ радостью, желаніемъ горя,
Чтобъ нашъ банкетъ «Медвѣжьяго Притона»
Подобенъ былъ Пиру Платона».

Другой образецъ:

«Приду навѣрное къ обѣду—
Къ духовно-чувственной ѣдѣ—
И отпируемъ съ вами въ среду
Въ журналистической средѣ.
На прѣсность жизни негодуя,
Надѣюсь, иль точнѣе—мню,
Что на пирушкѣ той найду я
Литературное меню.
Сперва «аттическою солью»
Бесѣду можно оживить,
А тамъ, въ утѣху своеволью,
Барковскій перецъ допустить.
И въ подпусканіи турусовъ
И на колесахъ, и иныхъ,
Въ ѣдѣ диковинъ выписныхъ
Участью приметъ

ваш Урусовъ.

На послѣднемъ весеннемъ обѣдѣ 1879 г. (передъ закрытіемъ «сезона») къ приглашеннымъ былъ обращенъ предварительно (въ стихотворной формѣ) вопросъ: желаютъ ли они имѣть въ составѣ обѣда ботвинью, или предпочитаютъ супъ. Изъ полученныхъ отвѣтовъ приведу отвѣтъ Минаева:

«Въ послѣдній разъ, конечно, буду
Я съ вами хоронить сезонъ
И въ гробъ его охотно сбуду
Подъ дружный рюмочный трезвонъ...
Богъ съ нимъ, съ сезономъ этимъ грустнымъ,
Съ его зловѣщею зимой,
Раскрыть не позволявшей устъ намъ,
Съ журнальной бранью и съ чумой!
Надежды на весну возложимъ,
Запѣвши, кто во что гораздъ,
А коль она — всего ждать можемъ —
Намъ ничего не дастъ, положимъ,
То хоть ботвинью нынче дастъ —
Ботвинью съ рыбой, съ шейкой рачьей..
Я свой привѣтъ ботвиньѣ шлю:
Я хоть и западникъ горячій,
Горячихъ суповъ не терплю;
При чемъ за западный желудокъ
Передъ восточнымъ заступлюсь
И старый русскій предразсудокъ
Съ желудковъ русскихъ снять рѣшусь.
Они у насъ внѣ партій: глухо
Ворчатъ лишь, если срокъ придетъ,
И часто ѣстъ одно и пьетъ
И Боборыкинское брюхо
И Иловайскаго животъ;
И за обѣдомъ, за закуской
Насъ кухня всякая миритъ;
По истинѣ — желудокъ русскій
Не патріотъ, — космополитъ.
Вразбродъ мы ссоримся и вкупѣ,
А у желудка свой протестъ,
И, брови иногда насупя,
Нашъ патріотъ сидитъ на супѣ,
А западникъ ботвинью ѣстъ».

Не помню уже почему, на одинъ изъ послѣднихъ обѣдовъ приглашеніе было послано въ прозѣ. Это вызвало со стороны того же Минаева слѣдующій протестъ:

«Приглашенье на обѣдъ
Я прочелъ вчера съ уныніемъ:
Какъ! Стиховъ обычныхъ нѣтъ?
Измѣняютъ всѣ отнынѣ имъ?
Я корю въ концѣ концовъ
Членовъ нашей всей редакціи:
Неужели на пѣвцовъ
Такъ у насъ упали акціи,

Что нѣтъ мастера въ «Молвѣ»
На куплеты кулинарные;
Хоть стоятъ въ ея главѣ
Стихотворцы не бездарные?
Или муза не въ ладахъ
Этотъ годъ съ Петромъ Исаичемъ?
Иль онъ насъ забылъ въ трудахъ,
Занятъ въ Питерѣ не знаю чѣмъ?
Чтобъ Эрнеста поддержать —
И уху, и сладость щей его,
Не нашлось куплетовъ пять
У маститаго Плещеева?
Написать стиховъ хоть томъ
Попросили бы Минаева;
Но не вѣдалъ онъ о томъ,
И не въ счетъ идетъ вина его.
Я, конечно, умолчу
О Васильѣ Аполлонычѣ:[1])
«Двухъ стиховъ не настрочу,
Хоть бы спину гнулъ я до ночи» —
Онъ признался какъ-то мнѣ;
Почему и избавляется
Отъ упрековъ всѣхъ вполнѣ,
И пусть прозой разрѣшается.
Также долженъ умолчать
Я о Коршѣ и о Ватсонѣ:
Вѣдь, стихи начавъ писать,
Провалиться рады въ адъ-съ они!
(Прибавляю здѣсь съ,
Чтобъ смягчить сравненье грубое;
На обѣдѣ, напримѣръ,
Грубость дерзость есть сугубая).
Я же свой держу обѣтъ,
И, теперь въ стихахъ бесѣдуя,
Отвѣчаю: на обѣдъ
Въ день назначенный пріѣду я».

Ограничиваюсь на этотъ разъ сдѣланными выдержками изъ моего автографнаго обѣденнаго альбома. Со временемъ представлю еще кое-что изъ него читателямъ «Историческаго Вѣстника».

Петръ Вейнбергъ.

---

[1]) Полетика.